

Ю. В. Костяшов**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ, КЛАЙПЕДСКОМ КРАЕ,
ВАРМИИ И МАЗУРАХ В 1945 – 1950 ГОДАХ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Поступила в редакцию 04.10.2021 г.

Рецензия от 22.11.2021 г.

19

Изменение границ в результате Второй мировой войны породило масштабные перемещения миллионов людей, затронувшие в том числе Восточную Пруссию, переданную СССР и Польше. В статье рассматриваются вызванные этими изменениями миграционные процессы на территории бывшей германской провинции, то есть в Калининградской области РСФСР, Клайпедском крае Литовской ССР и Ольштынском воеводстве Польши. Цель исследования – сравнить условия, ход и результаты акций по выселению немцев в Германию и заселению региона новыми жителями в 1945 – 1950 гг., выявить общие черты и особенности. Установлено, что выселение немцев происходило на единых принципах, утвержденных решениями Потсдамской конференции, однако если в Калининградской области депортация осуществлялась по признаку германского гражданства, то в Клайпедском крае, Вармии и Мазурах делались исключения для поляков и литовцев из числа коренного населения. Сформированное в результате переселенческой акции население во всех трех регионах оказалось очень пестрым, обладающим разным историческим и культурным опытом. В Калининградской области более двух третей составили русские, а также были представлены выходцы из Белоруссии, Украины и других республик Советского Союза; в Клайпедском крае сельская местность осваивалась крестьянами из Литвы, а в городах преобладало русскоязычное население, преимущественно из трех славянских республик СССР; в Ольштынском воеводстве поляки абсолютно доминировали (свыше 90 %), но были представлены очень разными группами: пятую часть составили коренные жители, чуть больше было репатриантов из СССР, а остальные являлись переселенцами из центральных воеводств Польши. В целом послевоенные миграции в Юго-Восточной Прибалтике оказали существенное влияние на формирование трех специфических типов региональных идентичностей.

The change in borders as a result of World War II spawned massive displacements of millions of people that affected East Prussia, ceded to the USSR and Poland. The article examines the migration processes caused by these changes in the territory of the former German province, i. e. in the Kaliningrad region of the RSFSR, the Klaipeda region of the Lithuanian SSR and the Olsztyn voivodship of Poland. The purpose of the study is to compare the conditions, course and results of the deportation of Germans to Germany and the settlement of the region with new people in 1945 – 1950, to identify common features and characteristics.

It was established that the eviction of Germans took place on the general principles approved by the decisions of the Potsdam Conference, however, deportation in the Kaliningrad region was carried out on the basis of German citizenship, while exceptions were made for Poles and Lithuanians from the original population in the Klaipeda region, Warmia and Mazury. The population formed as a result of the resettlement action in all three regions turned out to be very diverse, with different historical and cultural experiences. Though the majority of population of the Kaliningrad region, more than two-thirds, was made up of Russians, migrants from Belarus, Ukraine and other republics of the USSR were also represented there. The countryside in the Klaipeda region was settled by peasants from Lithuania, and the Russian-s peaking population, mainly from the three Slavic republics, prevailed in the cities. Poles absolutely dominated (over 90 %) in the Olsztyn Voivodeship, but they were represented by very different groups: a fifth were indigenous people, some came from the USSR, and the rest were immigrants from the central voivodeships of Poland. In general, post-war migrations in the Southeastern Baltic significantly affected the development of three specific types of regional identities.

Ключевые слова: миграции, население, Калининградская область, Клайпедский край, Ольштынское воеводство, 1945 – 1950 гг.

Keywords: migrations, population, the Kaliningrad region, the Klaipeda region, the Olsztyn voivodeship, 1945 – 1950

Введение

Вызванные Второй мировой войной изменения границ в Европе имели своим следствием масштабные миграции населения, которые особенно сильно затронули Германию и граничащие с ней страны Центральной и Восточной Европы. В пункте 12 заключительного протокола Берлинской (Потсдамской) конференции под руководством Контрольного совета предписывалось осуществить перемещение из этих стран в Германию немецкого населения «организованным и гуманным способом» [1, с. 443]. В российской историографии депортация немцев в процессе послевоенного урегулирования признается «обоснованным средством» [14, с. 46] и существует согласие относительно того, что к этому времени «были исчерпаны все возможности для дальнейшего мирного сосуществования немцев и основных народов этих государств», вот почему «депортация являлась по сути единственно возможным решением проблемы» [15, с. 155 – 156]. Вслед за выселением немцев, общее число которых составило около 12 млн человек, последовала грандиозная переселенческая акция по заселению этих опустевших земель.

В полной мере названные изменения коснулись отторгнутой от Германии Восточной Пруссии. В пунктах 5 и 8 протокола Конференции было выражено согласие трех великих держав на раздел Восточной Пруссии между СССР и Польшей и указана конкретная линия разграничения между ними [1, с. 438 – 440]. До октября 1939 г. Восточная Пруссия делилась на четыре правительственных округа (Кёнигсбергский, Гумбинненский, Алленштайнский и Западнопрусский) и насчитывала

37 районов общей площадью 36991 км². Согласно решению Потсдамской конференции к Польше отходили земли южнее железнодорожной линии Кёнигсберг – Инстербург – Гумбиннен площадью 26189 км², что составляло 70,8 % территории провинции, в составе 27 районов, в том числе целиком Алленштайнский и Западнопрусский округа, а также 9 районов Кёнигсбергского и 4 района Гумбинненского округов [23, s. 15]. Советский Союз получил Кёнигсберг с прилегающими к нему районами и Мемельскую (Клайпедскую) область.

Между СССР и Польшей 16 августа 1945 г. был заключен договор о государственной границе. Еще до проведения точной линии разграничения на местности осенью 1945 г. несколько гмин и населенных пунктов, в том числе Прейсиш-Эйлау, Гердауэн, которые сначала предполагалось передать под польскую юрисдикцию, перешли под управление советской администрации, а польским властям пришлось переводить работников учреждений там органов власти и прибывших переселенцев в другие расположенные южнее районы [34, s. 305–306; 21, s. 76–78].

Послевоенные миграционные процессы на этих землях достаточно хорошо изучены в национальных историографиях России [5–8; 12–15], Польши [30–32; 36–38] и Литвы [29], однако до сих пор отсутствуют компаративистские исследования по этой тематике, за исключением работы польского социолога А. Саксона [32]. Между тем особенности формирования населения во всех трех частях бывшей Восточной Пруссии в первые послевоенные годы надолго определили вектор развития этих территорий, оказали существенное влияние на социальную реальность и идентичность их жителей. Цель настоящей статьи – провести сравнительный анализ предпосылок, правовых основ, механизмов и результатов миграционных процессов на территории Юго-Восточной Прибалтики (бывшей Восточной Пруссии) в 1945–1950 гг., а именно в Калининградской области РСФСР, Клайпедском крае Литовской ССР, а также в польских Вармии и Мазурах (эти исторические области в 1945 г. составили Мазурский округ, а с 29 мая 1946 г. получили официальное название Олыштынского воеводства [24, s. 533]).

Депортация немецкого населения

На заключительном этапе Второй мировой войны в связи с приближающимся военным поражением Германии немецкие власти уже в 1944 г. начали эвакуацию населения из Восточной Пруссии, которая проходила в три этапа: в июле – августе, октябре 1944 г. и в январе 1945 г.; десятки тысяч жителей обратились в бегство вслед за отступающей немецкой армией, многие из них погибли в ходе военных действий [28, p. 369].

На вошедшей в состав РСФСР северной части Восточной Пруссии по переписи 1939 г. проживало 1086 тыс. человек. В немецкой историографии численность гражданских немцев только в Кёнигсберге сразу после окончания военных действий оценивалась в 110 тыс. человек, большинство из которых в дальнейшем якобы погибли и только 20–25 тыс. оставшихся в живых были депортированы в Германию [19, S. 92, 189; 26, S. 97–98].

Между тем, согласно проведенной военными комендатурами летом 1945 г. регистрации, на 1 сентября 1945 г. здесь находилось 139,6 тыс. граждан Германии, из них 68 тыс. человек — в Кёнигсберге. До весны 1947 г. в связи с высокой смертностью, вызванной болезнями, тяжелыми продовольственными и жилищными условиями, их численность сократилась примерно на 20 %. По данным МВД СССР, число немцев в мае 1947 г. составляло 110,1 тыс. человек. До апреля 1947 г. возможность выехать в Германию предоставлялась лишь коммунистам и участникам антифашистского сопротивления. Затем режим был упрощен, разрешения на выезд стали получать немцы, имевшие в Германии близких родственников. Всего весной — летом 1947 г. на этом основании Калининградскую область покинули 3,4 тыс. человек [7, с. 61, 64].

Однако массовое выселение немцев началось после принятого Советом министров СССР 11 октября 1947 г. постановления №3547-1169с «О переселении немцев из Калининградской области РСФСР в Советскую зону оккупации Германии», которое предусматривало «репатриацию» по железной дороге 30 тыс. немцев в октябре — ноябре 1947 г. В первую очередь переселялись нетрудоспособные семьи, престарелые, инвалиды, дети; им разрешалось вывозить личные вещи общим весом не более 300 кг на семью. Второй этап выселения по постановлению Совмина СССР №333-122с от 16 февраля 1948 г. пришелся на март — октябрь 1948 г., после чего оставшихся немцев из числа высококвалифицированных специалистов отправляли в Германию небольшими группами вплоть до 1951 г. Всего же, согласно сохранившимся в Архиве областного Управления внутренних дел эшелонным спискам, с территории Калининградской области в Германию в 1947 — 1951 гг. выехали 102,5 тыс. немецких граждан [6, с. 186 — 188].

В мае 1945 г. на отошедшей к Польше части Восточной Пруссии оставалось лишь 200 тыс. человек из более чем 930 тыс. человек, проживавших здесь до войны [33, с. 93; 39, с. 395 — 396]. Согласно официальным данным польских властей, в июле 1945 г. в Мазурском округе находились 145,6 тыс. немцев, 56,2 тыс. поляков и 9,5 тыс. мазуров [17, с. 279; 24, с. 539].

В соответствии с решениями союзнического Контрольного совета Польша должна была разработать план и осуществить «репатриацию» немецкого населения в соответствующие оккупационные зоны Германии. В течение 1945 г. выезд немцев за Одром осуществлялся в индивидуальном порядке с разрешения советских комендантов и польской администрации. По оценке польского историка С. Жиромского, с мая 1945 г. по апрель 1946 г. из Мазурского округа в Германию (легально и нелегально) переселились около 40 тыс. бывших немецких подданных, в то же время сюда прибывали немцы как с северных районов Восточной Пруссии, так и с других соседних территорий [39, с. 396, 409].

Плановое и массовое выселение немцев началось 14 августа 1946 г., когда из Ольштына в Советскую зону оккупации Германии был отправлен первый эшелон. С осени эшелоны стали отправляться еженедельно, каждый перевозил от полутора до двух тысяч человек. Государственным управлением по репатриации было установлено, что в первоочередном порядке выселялись нетрудоспособные люди — дети, старики, инвали-

ды. Исключения делались для врачей, инженеров и других специалистов, чей труд предполагалось использовать в процессе послевоенного восстановления хозяйства [39, s. 397–398].

Процесс выселения был приостановлен в январе – марте 1947 г. в связи с зимними условиями, а затем продолжался до конца 1948 г. В следующие два года оставшиеся немцы, в основном из числа квалифицированных специалистов, покидали Польшу по мере прибытия польских профессиональных кадров. За весь период проведения принудительного выселения с апреля 1946 г. по конец 1950 г. количество депортированных немцев составило около 72 тыс. человек, в том числе в 1946 г. – 16,6 тыс. человек (23 %), в 1947 г. – 45,5 тыс. человек (63 %), в 1948 г. – 5,3 тыс. человек (7 %), в 1949–1950 гг. – 4,6 тыс. человек (7 %). Всего же со времени окончания войны до 1950 г. включительно отсюда были депортированы примерно 112 тыс. немцев [39, s. 400, 412].

В отличие от Калининградской области, из которой местное население выселялось поголовно по признаку германского гражданства, в польской части Восточной Пруссии учитывать этнические корни жителей. Согласно переписи 1910 г., в Восточной Пруссии проживали 327,9 тыс. человек с польскими этническими корнями (16 % населения провинции), которые использовали в качестве родного польский язык или же были двуязычными. К 1939 г. их число уменьшилось примерно до 250 тыс. человек как вследствие интенсивной ассимиляции, так и в результате так называемого «бегства с Востока» – переселения жителей из восточных провинций в промышленно развитые немецкие земли, а также в США. Польскоговорящее население было сосредоточено преимущественно в исторической области Вармия (нем. Эрmland), чьи жители продолжали оставаться приверженцами католической веры. Вторым таким районом было Мазурское Поозерье, население которого («мазуры») исповедовали протестантизм и использовали в быту германизированный «мазурский диалект» польского языка [16, с. 18–21; 31, s. 483–484].

Таким полякам-автохтонам, проживавшим здесь с довоенного времени и не являвшимся членами НСДАП, выдавалось удостоверение о «польском происхождении». Они признавались польскими гражданами на основе личного заявления и прохождения процедуры проверки в специальных верификационных комиссиях [24, s. 545]. Помимо этого они подписывали декларацию на верность польскому государству [18, s. 450]. При этом переселенцы из центральных районов Польши и многие представители властей воспринимали местных поляков как «национально чуждый элемент», а принадлежность к евангелическому вероисповеданию считалась подтверждением их «немецкости» [36, s. 469]. Всего на конец 1949 г. в Ольштынском воеводстве насчитывалось 117 тыс. поляков-автохтонов [20, p. 175]. С целью ускорения верификации воеводские власти стали применять к ним административное давление, нарушая их гражданские права. Такое отношение привело к тому, что впоследствии мазуры и вармяки использовали различные возможности для эмиграции в немецкие государства, особенно в период польской оттепели 1956–1959 гг., когда из Ольштынского воеводства выехало более 36 тыс. человек, из них около 90 % в ФРГ. В последующие годы этот процесс продолжился в рамках акции по воссоединению семей [17, s. 284–285; 31, s. 488].

Иначе дело обстояло в Клайпедском крае. До войны там насчитывалось 134 тыс. жителей (41,3 тыс. человек в Мемеле). Согласно переписи 1925 г., 72,5 % жителей края назвали в качестве родного языка немецкий, а 27,5 % — литовский, при этом часть жителей была двуязычной. На завершающем этапе войны осенью 1944 г. немецкое правительство эвакуировало до 90 % населения Мемельской области в центральные и южные районы Восточной Пруссии и дальше в Германию [30, с. 106]. Когда Красная армия в январе 1945 г. заняла Мемель, в городе практически не оставалось жителей, только в сельской местности проживали несколько тысяч крестьян, как правило, литовского происхождения [13, р. 253—256; 29, р. 100]. Регион почти полностью обезлюдел.

Советские власти предприняли усилия, чтобы хотя бы частично вернуть в Клайпеду и ее окрестности эвакуированное ранее местное население из Восточной Пруссии и других регионов Германии. Это акция репатриации, по оценкам историков, способствовала возвращению до 1950 г. от 6 до 8 тыс. местных жителей [29, р. 102]. По инициативе новых властей ЛССР 16 декабря 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ о предоставлении советского гражданства всем клайпедским литовцам, которые имели гражданство Литовской Республики на 22 марта 1939 г., и их детям [29, р. 103]. Однако в целом в регионе осталось не более $\frac{1}{10}$ довоенного населения, стало быть, он нуждался в новых переселенцах.

Заселение новых территорий

Переселение советских людей на территорию будущей *Калининградской области* началось сразу после завершения Восточно-Прусской операции (около 3 тыс. человек ежемесячно). К моменту образования Кёнигсбергской области в апреле 1946 г. здесь находились 35 тыс. гражданских лиц, среди которых преобладали две категории новоселов: демобилизованные красноармейцы и возвращавшиеся из германского плена репатрианты [8, с. 82—83].

Массовое заселение Калининградской области началось на основе постановления Совета министров СССР №1522 от 9 июля 1946 г., которое поручало Главному переселенческому управлению СССР осуществить переселение в августе — октябре 1946 г. на добровольных началах 12 тыс. семей колхозников из 23 областей и автономных республик РСФСР и из Белоруссии и определяло порядок и условия переселения. Впоследствии правительство ежегодно принимало аналогичные постановления. Переселенцам обеспечивался бесплатный проезд, выдавались денежные пособия; каждой семье предоставлялись квартира или дом с участком земли площадью до 0,5 гектара, списывались недоимки, выделялись льготные кредиты на приобретение скота, строительство или ремонт жилья и пр. [2, с. 94—98].

Всего до конца года в сельские районы области переехали 12,1 тыс. семей, или 58,8 тыс. человек [4, с. 41—43]. Их расселение происходило с учетом принципа землячества, то есть компактного поселения вместе жителей из одних и тех же регионов.

Заселение городов проходило по линии различных министерств и ведомств, массовый завоз рабочих и специалистов для предприятий промышленности, строительства и транспорта начался с лета 1946 г. Он регулировался постановлениями Совета министров СССР от 21 июня 1946 г. №1298 «О мероприятиях по хозяйственному устройству Кёнигсбергской области» и от 21 мая 1947 г. №1631 «О порядке проведения организованного набора рабочих», а вербовка рабочей силы осуществлялась уполномоченными Министерства трудовых резервов. Не все переселенцы успешно адаптировались на новом месте, велика была доля «обратничества» — выезда на прежнее место жительства. Среди переселенцев 1946 — 1950 гг. таких оказалось 34 %, а в рамках первого послевоенного десятилетия почти две трети [11, с. 211 — 219].

Национальный состав переселенцев в то время не учитывался, однако среди них доминировали выходцы из РСФСР (70 %), затем следовали новоселы из Белоруссии (11 %), Украины (7 %) и Литвы (4 %) [10, с. 66 — 68]. В ходе переселения многие крестьяне поселялись в города, а часть бывших горожан оседала в деревне. При этом среди жителей области горожане существенно преобладали над селянами — в 1950 г. в соотношении 59:41, в то время как в России так называемый «урбанизационный переход» произошел только в 1958 г., а в целом по СССР еще три года спустя [3, с. 155].

К началу 1950-х гг. население Калининградской области превысило полумиллионный рубеж, оно сформировалось в основном за счет притока мигрантов, а удельный вес естественного прироста составил немногим более 10 % [9, с. 5].

После окончания войны *Вармия и Мазуры* были наиболее обезлюдившей и разрушенной в ходе военных действий территорией Польши. С весны 1945 г. первыми сюда стали стихийно прибывать люди из соседних воеводств Польши, затем из центральных областей страны. Они заселяли прежде всего южные и центральные районы Мазурского округа. До конца 1945 г. сюда при участии Государственного управления по репатриации переселились также более 50 тыс. поляков из так называемых восточных кресов, то есть из Литвы, Западной Украины и Западной Белоруссии, вошедших в состав СССР [37, с. 365; 38, с. 138].

Еще одним источником пополнения населения Вармии и Мазур стала начавшаяся в конце апреля 1947 г. административная акция по переселению непольского населения из юго-восточных воеводств на северные и западные земли. В течение трех месяцев в ходе операции «Висла» в рамках борьбы с Украинской повстанческой армией в Ольштынское воеводство было принудительно переселено около 55 тыс. граждан украинской национальности, которых размещали в северных, граничащих с Калининградской областью, районах, в наиболее разоренных войной поселках и крестьянских хозяйствах. Отношения поляков с украинцами в первые годы складывались весьма непросто, а часто и враждебно [18, с. 451; 25, с. 196, 201; 22, с. 224, 230].

Динамика заселения Ольштынского воеводства, рассчитанная С. Жиромским по годам, выглядит следующим образом (в тыс. человек): 1945 г. — 174,8; 1946 г. — 123,4; 1947 г. — 163,9; 1948 г. — 40,5; 1949 г. — 15,7. На конец

1949 г., когда массовое заселение воеводства в основном закончилось, на его территорию прибыли 518,3 тыс. человек, а сальдо миграции (с учетом депортации немцев и обратных выездов польских переселенцев) составило 391,9 тыс. человек [37, s. 365, 376]. Согласно проведенной 3 декабря 1950 г. переписи населения, в границах Ольштынского воеводства проживали 610 тыс. человек. В их составе доминировали следующие группы населения: переселенцы из столичного Варшавского воеводства (25 %), репатрианты из СССР (23 %), поляки-автохтоны (19 %). Остальная треть жителей были выходцами из других (помимо Варшавского) воеводств, включая украинцев. Доминирующие группы в городском населении составили репатрианты (39 %), «варшавяне» (27 %) и автохтоны (13 %) [37, s. 366, 368].

Население Вармии и Мазур формировали выходцы из разных воеводств и стран, имевших различный культурно-цивилизационный опыт, исповедовавших разную веру. Многие оказались на этих землях вынужденно или случайно, у них долгое время сохранялось чувство временности пребывания на этих землях [27, s. 511; 35, s. 544, 547–548].

Тотально опустевший *Клайпедский край* принял первую волну новых жителей вскоре после вступления Красной армии в январе 1945 г. В период «дикого заселения», продолжавшийся до середины 1946 г., в край прибывали неорганизованные переселенцы из так называемой Большой Литвы. Некоторых из них привлекала возможность пожить за счет брошенного и бесхозного имущества, другие рассчитывали осесть там на временное или постоянное жительство. Литовское правительство 23 марта 1946 г. приняло постановление о заселении Клайпедского края, согласно которому туда планировалось переселить около 13 тыс. семей (39 тыс. человек) из других районов Литвы. Добровольцы получали подъемные, им бесплатно предоставлялись дом, хозяйственные постройки, участок земли до 15 га, беспроцентные ссуды и прочие льготы. Однако эти планы удалось реализовать меньше чем наполовину: переселено было только 5300 семей [29, p. 102; 30, s. 110–111].

Постепенно возвращались немногие решившиеся на это бывшие жители края. Вместе с теми, кто в сельской местности отказался от эвакуации в конце войны, таких к концу 1940-х г. в крае оказалось 12–13 тыс., все они официально считались «германизированными литовцами» [30, s. 122–123].

Население города Клайпеды пополнялось за счет военнослужащих, командированных сюда партийных и государственных чиновников, работников милиции и службы безопасности. Через союзные министерства и ведомства происходил подбор кадров и вербовка специалистов для работы в Клайпедском порту и на промышленных предприятиях края. Главное управление трудовых резервов при Совмине СССР направляло сюда сотни выпускников ремесленных училищ [13, p. 258–260]. Из-за нехватки квалифицированных кадров в самой Литве, специалистов и рабочих приходилось завозить из других республик СССР. Особенно это сказалось на составе населения главного города края. В 1950 г. из 45,5 тыс. жителей Клайпеды 51 % составляли русские, 40 % литовцы, 3 % белорусы и 6 % – представители других национальностей [30, s. 113].

Заключение

Миграционные процессы на землях Восточной Пруссии на исходе войны и сразу после ее окончания во всех трех частях бывшей германской провинции проходили по одному сценарию. Согласно утвержденным в Потсдаме принципам подданные Третьего рейха подлежали выселению на «историческую родину». В Мемельском крае исход местных жителей произошел еще до прихода Красной армии в январе 1945 г., в Вармии и Мазурах польские власти депортировали 90 % немцев до конца 1947 г., а выселение немцев из Калининградской области было проведено позже, в основном с октября 1947 г. по октябрь 1948 г. При этом только в российской части депортации подлежали все германские граждане без исключения, тогда как в Польше и Литве учитывалось этническое происхождение автохтонов. Полякам после соответствующей процедуры верификации разрешалось остаться и получить польское гражданство; коренные жители Клайпедского края могли стать советскими гражданами, если они на 22 марта 1939 г. имели гражданство Литовской Республики [29, р. 103].

27

Существенно различались источники формирования нового населения трех областей и его демографические компоненты. В Вармии и Мазурах в состав жителей вошли четыре группы: автохтоны с польскими этническими корнями, репатрианты из СССР, мигранты из центральных и южных воеводств Польши, а также депортированные сюда в результате операции «Висла» украинцы. В Калининградской области произошла тотальная замена немецкого населения преимущественно выходцами из трех славянских республик — РСФСР, УССР и БССР. В Клайпедском крае после 1945 г. незначительные позиции (по сравнению с Ольштынским воеводством) сохранило коренное литовское население, а новоселы были представлены литовцами из других регионов Литовской ССР, а также большим потоком русскоязычного населения, прибывавшего сюда для работы в промышленности и обслуживания порта в Клайпедде.

Очевидно, что адаптация переселенцев и освоение ими новой территории в польской и литовской частях существенно облегчались благодаря сохранению прослойки местного коренного населения, которая становилась своего рода посредником между своими соотечественниками-мигрантами и новой и во многом чуждой для них историко-культурной средой.

Проведенное исследование показывает, что миграционные процессы в Вармии и Мазурах, Калининградской области и Клайпедском крае проходили с существенными отличиями, были обусловлены разным историческим и политическим контекстом. Имея общие последствия, послевоенные миграции оказали существенное влияние на общественное развитие в каждой из исследуемых областей, способствовали формированию трех специфических типов региональных идентичностей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43039 «Советский народ на крайнем западе России: теория и практика формирования «новой исторической общности» в Калининградской области (1945–1991)».

Список литературы

1. *Берлинская* (Потсдамская) конференция руководителей трех держав – СССР, США и Великобритании. М., 1984.
2. *В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области.* Калининград, 2004.
3. *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен.* М., 2002.
4. *История сельского хозяйства Калининградской области.* Калининград, 2006.
5. *Клемешев А. П., Федоров Г. М.* Исследования Балтийского региона в РГУ им. И. Канта // Балтийский регион. 2009. №1. С. 96–103.
6. *Костяшов Ю. В.* Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы // Вопросы истории. 1994. №6. С. 186–188.
7. *Костяшов Ю. В.* Депортация немцев из Калининградской области после войны // Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы. Новосибирск, 2012. С. 56–67.
8. *Костяшов Ю. В.* Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарная наука в России. М., 1996. С. 82–88.
9. *Костяшов Ю. В.* О естественном движении населения в Калининградской области в 1946–1950 гг. // Проблемы исторических и философских наук. Калининград, 2000. С. 3–9.
10. *Костяшов Ю. В.* О национальной структуре, этнографическом облике и социокультурной адаптации советских переселенцев в Калининградской области (1945–1950) // Национальные отношения в новое и новейшее время. Калининград, 2000. С. 66–79.
11. *Костяшов Ю. В.* Обратничество в процессе заселения Калининградской области в послевоенные годы // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград, 2005. С. 211–219.
12. *Кретинин Г. В., Федоров Г. М.* Исторические аспекты развития российско-литовских экономических отношений и современность // Балтийский регион. 2012. №4 (14). С. 97–110.
13. *Кретинин Г., Федорова О.* Клайпедский край после окончания Второй мировой войны // Acta Historica Universitatis Klaipedensis. 2009. Т. 18. Р. 252–266.
14. *Кретинин С. В.* Массовые выселения и «изгнание» немцев из стран Центральной и Восточной Европы в 1945–1949 гг. // Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы. Новосибирск, 2012. С. 45–56.
15. *Кретинин С. В.* Массовые выселения немцев в СССР и странах Центральной и Восточной Европы: опыт историко-социологического анализа // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев. Саратов, 2011. С. 155–163.
16. *Строганова Н. А.* Поляки в Восточной Пруссии (по данным переписей 1910, 1925 и 1933 гг.) // Проблемы исторических и философских наук. Калининград, 2001. С. 18–22.
17. *Belzyt L.* Badania liczebności polskiej ludności rodzimej dawnych Prus Wschodnich po 1945 roku // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1984. №3. S. 277–286.
18. *Chłosta J.* Przeszłość Warmii i Mazur na łamach naukowych czasopism regionalnych powstałych po 1989 roku // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2007. №3. S. 417–454.

19. *Chronik deutscher Zeitgeschichte*. Düsseldorf, 1986. Bd. 3/1.
20. *Eberhardt P. Political migrations on Polish territories (1939–1950)*. Warszawa, 2011.
21. *Golon M. Problem polsko-radzieckiej granicy w byłych Prusach Wschodnich w latach 1945–1958 // Baltijos regiono istorija ir kultūra: Lietuva ir Lenkija: politinė istorija, politologija, filologija*. Klaipėda, 2008. S. 75–87.
22. *Hałagida I. Członkowie ukraińskiego podziemia na Warmii i Mazurach po 1947 roku // Echa Przeszłości*. 2004. №5. S. 213–234.
23. *Korc E. Zmiany administracyjno-terytorialne na obszarze byłych Prus Wschodnich ze szczególnym uwzględnieniem terenu województwa olsztyńskiego // Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1997. №1. S. 3–22.
24. *Kraft C. Pierwsze lata w województwie olsztyńskim po II wojnie światowej. Trudne początki nowego społeczeństwa // Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1999. №4. S. 533–553.
25. *Mucha J., Wilamowski B. Osadnictwo wiejskie w województwie olsztyńskim po roku 1945 // Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1961. №2. S. 190–219.
26. *Neumann R. Ostpreussen unter Polnischer und Sowjetischer Verwaltung*. Frankfurt a/M, 1956.
27. *Pawłowski J. Demografia Warmii i Mazur: stan i potrzeby badawcze // Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 2010. №4. S. 511–520.
28. *Proudfoot M. J. European refugees: 1939–1952*. Evanston, 1956.
29. *Safronovas V. Population of the Klaipėda Region and the Balance of Power in the Eastern Baltic Region, 1919–1960 // Population Displacement in Lithuania in the Twentieth Century*. Leiden, 2016. P. 91–111.
30. *Sakson A. Kraj Kłajpedzki. Zmiany ludnościowe 1945–1950 // Przegląd Zachodni*. 2007. №3. S. 105–126.
31. *Sakson A. Liczebność ludności rodzimej na Mazurach // Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1987. №3–4. S. 483–491.
32. *Sakson A. Od Kłajpedy do Olsztyna: współcześni mieszkańcy byłych Prus Wschodnich: Kraj Kłajpedzki, Obwód Kaliningradzki, Warmia i Mazury*. Poznań, 2011.
33. *Skubiszewski K. Wysiedlenie Niemców po II wojnie światowej*. Warszawa, 1968.
34. *Sokołowski F. Z badań nad administracją Okręgu Mazurskiego 1945–1946 // Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1974. №3. S. 291–311.
35. *Tomkiewicz R. Pogranicze po 1945 roku – nowa rzeczywistość, stare problemy // Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 2006. №4. S. 543–553.
36. *Traba R. Prasa w procesie integracji ziem zachodnich i północnych // Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1984. №4. S. 468–471.
37. *Żyromski S. Procesy ludnościowe na Warmii i Mazurach w latach 1945–1949 // Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1985. №3–4. S. 363–377.
38. *Żyromski S. Procesy migracyjne w województwie olsztyńskim w latach 1945–1949*. Olsztyn, 1971.
39. *Żyromski S. Przesiedlenie ludności niemieckiej z województwa olsztyńskiego poza granice Polski w latach 1945–1950 // Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1969. №3. S. 395–412.

Об авторе

Юрий Владимирович Костяшов — д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ikostyashov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9732-0187>

The author

Prof. Yury V. Kostyashov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ikostyashov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9732-0187>